

Анатолий Алексин
Мой брат играет на кларнете
21 декабря

Почти все девчонки в нашем классе ведут дневники. И записывают в них всякую ерунду. Например: "Вася попросил у меня сегодня тетрадку по геометрии. Тайно попросил и очень тихо, чтоб никто не услышал. Зачем?"

Почему именно у меня? Почему так таинственно и с большим волнением? Уже полночь. Но я размышляю об этом и не засну до утра".

Васька просто-напросто решил сдать домашнее задание по геометрии.

Именно у нее, потому что у меня он уже сдавал. «Тихо, таинственно!..» А кто же делает это громко? «С волнением!» Еще бы Ваське не волноваться!

Девчонки обожают придавать самым обыкновенным поступкам мальчишек какой-то особый смысл.

Я тоже девчонка, но я понимаю, что дневники должны вести только выдающиеся люди. Нет, я ничего такого о себе не думаю. Но у меня есть брат, он учится на втором курсе Консерватории. Он будет великим музыкантом. Это точно. Я в этом не сомневаюсь! И вот по моему дневнику люди узнают, каким он был в детстве.

Мой брат играет на кларнете. Почему не на скрипке? Не на рояле? Так хотел дедушка.. Он умер, когда мне было всего два года. А брат Лева старше на целых пять лет, и дедушка начал учить его музыке.

Долгие годы я слышала о том, что наш дедушка «играл в фойе». Я не знала, что такое фойе, но слово это казалось мне очень красивым. «Фойе»,

— четко выговаривала я. А когда первый раз сходила в кино и увидела музыкантов, которые играют в фойе, мне стало жаль моего бедного дедушку: зрители переговаривались, жевали бутерброды, шуршали газетами, а старые люди на сцене играли вальс. Они прижимали к подбородку свои скрипочки и закрывали глаза: может быть, от удовольствия, а может быть, для того, чтоб не видеть, как зрители жуют бутерброды.

Мой брат не будет играть в фойе! Он будет выступать в роскошных концертных залах. Сейчас он готовится к конкурсу музыкантов-исполнителей на духовых инструментах. Мне жаль, что кларнет называют духовым инструментом. Когда я думаю о духовых инструментах, то сразу почему-то вспоминаю похороны и медный оркестр, который идет за гробом. Кларнет можно было бы назвать как-то иначе... Но что поделаешь!

Учусь я средне, но это не имеет никакого значения. Я решила посвятить свою жизнь не себе, а брату. Так ведь часто бывало с сестрами великих людей. Они даже не выходили замуж. И я не выйду. Ни за что! Никогда!..

Это точно. Лева уже знает об этом. Сперва он возражал, но потом согласился.

Мы договорились, что сам Лева, в отличие от меня, будет иметь право на личную жизнь, но лишь тогда, когда добьется больших музыкальных успехов. Лева весь, без остатка будет принадлежать искусству. У него не будет оставаться времени ни на какие обыкновенные человеческие дела и заботы. Все это буду исполнять за него я. Фактически я отрекусь от собственной жизни во имя брата! И поэтому мои тройки не имеют никакого значения. К сожалению, мама и папа этого не понимают.

— Ты неплохо устроилась, — как-то сказала мама. — Значит, Лева будет учиться, с утра до вечера играть на кларнете, совершенствоваться, готовиться к конкурсам, а ты будешь всего-навсего посвящать ему свою жизнь. Какие-то у тебя иждивенческие настроения!

— А сестра Чехова, значит, тоже была иждивенкой? — спросила я в ответ.

— Ну уж... хватила!

Мама изумленно развела руки в стороны. Когда нечего сказать, легче всего разводиться руками. В общем-то, я сама виновата: не надо слишком уж откровенничать со своими родителями — они обязательно используют эту откровенность против тебя.

Но зато когда-нибудь о Леве напишут книгу, и в нее войдут отрывки из моего дневника. Недавно я читала такую книгу о великом поэте. «Сестра поэта» — было написано под одной фотографией. А под моей напишут:

«Сестра кларнетиста». Или лучше так: «Сестра музыканта». Это будет мне скромной наградой.

Вот зачем я стала вести дневник.

«Что-то я не слышал про такую профессию — сестра кларнетиста», сказал мне однажды папа. Он тоже, увы, не всегда меня понимает.

К несчастью, не все еще знают, какой это важный инструмент — кларнет.

Именно он начинает Пятую симфонию Чайковского! Разве многим это известно? «Незаметный герой оркестра» — так говорит о кларнете Лева. Он даже рад, что кларнет «незаметный». Он и сам бы, наверно, хотел быть незаметным. Такой у него характер. Но я этого не допущу!

Летом всему нашему дому слышны звуки кларнета. Но многие не знали, из какого именно окна летят эти звуки. Я объяснила, что это играет мой брат. Даже в холод я распахиваю окна, чтобы жильцы не отвыкали от

Левиного кларнета.

Всем соседям я уже рассказала, что Лева готовится к конкурсу. Пусть меня считают нескромной: я готова ради брата на любые страдания! В общем, я уже давно решила вести дневник. Но начать его я хотела не просто так, а с какого-нибудь знаменательного дня. И вот этот день настал!

Сегодня перед первым звонком меня схватил в раздевалке десятиклассник

Роберт, по прозвищу «Роберт-организатор». Такая у него манера: он не останавливается, не берет за руку того, кто ему нужен, а именно хватает.

За что попало: за руку, за плечо, даже за шею. Представляете? Меня он схватил за рукав.

— Организуешь своего брата? На вечер старшекласников!

Роберт обычно лишь первую фразу произносит нормально, по-человечески, а на дальнейшие разъяснения у него уже не хватает времени. И он начинает говорить быстро, пропуская глаголы, будто диктует телеграмму.

— Новогодний вечер! Первое отделение — стихи, классическая музыка.

Второе — джаз и танцы. Классической музыки у нас нет. Вся надежда на брата. На твоего.

Я сразу сообразила, что никогда в жизни не будет больше такого прекрасного случая прославиться на всю школу. Не могу же я всем без исключения сообщить, что мой брат учится в Консерватории, а тут все сразу узнают! Однако я решила немного помучить Роберта, чтобы он не думал, что заполучить моего брата так просто.

— Видишь ли, — начала я, — мой брат готовится к конкурсу музыкантов-исполнителей...

Слова «на духовых инструментах» я опустила.

— Вечер старшекласников: только десятые! — сказал Роберт. — Ты в седьмом. Но вот два билета! Тебе и брату. Организуешь?

Что будет с моими подругами, когда они узнают, что я приглашена на вечер старшекласников? Который может им только присниться! В самом счастливом сне!..

И все-таки я сказала:

— Надо узнать: у брата новогодняя ночь может быть уже занята.

Наверно, он приглашен куда-нибудь на концерт, а потом на бал музыкантов-исполнителей...

— Наш вечер двадцать шестого, — сказал Роберт. — Организуешь?

Новогодний вечер за пять дней до Нового года! Хотя что же тут удивляться, если Роберт умудрился недавно организовать воскресник в четверг?

— Ладно, — сказала я. — Это нелегко, но я постараюсь. — И взяла два билета.

22 декабря

Я хочу еще кое-что записать о вчерашнем дне. Когда я пришла домой, Лева играл на кларнете. Он всегда играет: и утром и вечером.

Представляете? Как у него хватает терпения! Просто понять не могу. Хотя отчасти все же могу... Лева занимается любимым делом, а когда занимаешься таким делом, сразу откуда-то появляются терпение и воля. Вот если бы я, к примеру, должна была готовить уроки только по литературе, я бы могла их готовить круглые сутки и отвечала бы всегда на пятерки.

Имант Зиедонис
Говорю вам — пойте!

Говорю вам — пойте! Пойте, когда вам хорошо. Пойте назло всякой грубости или свинству. Пойте в глаза тому, кто вас ругает. Пойте, ликуя в своем превосходстве, когда вас бьют.

Я хорошо это помню. Был я маленьким и видел в окно, как соседская женщина колотила своего сынишку.

Он стоял у сарая и пел. Мать его колотила, а он смеялся и пел. Она била, а он пел. Она устала бить его, а он пел. Она опустила руки, а он ушел, поглаживая побитые свои плечи и спину, — он шел напевая.

Пойте в переполненных троллейбусах, и если вам придется заплатить за это — заплатите!

Пойте, когда пьете вино. Пойте у могилы. Что ж вы молчите, пойте. Он не услышит. Не для него. Пойте не смерть его, пойте жизнь свою. Не о хвое на могиле, а о том вон листике на верхушке. Пойте себе, живые — вам нужна песня, а не ему.

...Ты ночью проснулся и слышишь — поют соловьи. Вот видишь, песня живет и ночью.

Поешь ли ты только утром, солнечным утром? А песни отчаянья, песни гнева и наступленья?

Да, где она, твоя песнь наступленья? Ты уже победил — и поешь только утром? Или ты побежден — и совсем не поешь?

«Эпифании», перевод Юрия Левитанского.